

A. Йоссман

ДОСТОЕВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
—

ГЛАВА VIII. В ЛИНЕЙНОМ БАТАЛЬОНЕ

СЕМИПАЛАТИНСК

Этапный путь из Омска в Семипалатинск ранней весною по безлесным просторам и берегам Иртыша после четырехлетнего тюремного заключения показался Достоевскому настоящим возрождением. Уже под конец жизни он рассказывал друзьям, что никогда не ощущал себя таким счастливым, как в дни этого подневольного путешествия, попав в какой-то обоз, повстречавшийся по пути, сидя на жестких канатах, «с небом над собою, чистым воздухом кругом и чувством свободы в душе...».

Но до полного освобождения было еще далеко.

Семипалатинск представлял собою глухой городок, затерянный в киргизских степях неподалеку от китайской границы. Однообразный пейзаж приземистых и белых строений ожидался воздушными очертаниями остроконечных минаретов, раскинутых по всему поселку. Достоевский был снова водворен в деревянную казарму, но мог уже спать не на голых досках, а на нарах, покрытых кошмой. Он должен был со всей строгостью выполнять фронтовые запреты, но от других обязанностей был свободен.

По-прежнему он был близок к народу, но уже

к другому его слою — к русским солдатам. Он не отразил их в своем творчестве, подобно Лермонтову и Л. Толстому, но он искренне полюбил своих новых товарищей. «Те из нас, кто живал с солдатами, — писал он в 1861 году, отвечая на лживые выпады иностранной прессы, — знают, насколько чужды они фанатизма: если бы вы знали, какие это милые, симпатичные, родные типы». Тогда же он вспомнил в печати, как читывал «вслух солдатикам и другому народу разных капитанов Полей, Панфилов и тр.».

Вскоре начальство разрешило Достоевскому жить на отдельной квартире. Он поселился в «русском городке» поблизости от своего батальона среди сыпучих песков, поросших колючками, в полутемной и закопченной избе одной вдовы-солдатки.

Быт Достоевского в то время описан одним из его друзей.

«Его упрощенное хозяйство — стирку, питье и уборку комнаты — вела старшая дочь хозяйки, девочка лет двадцати. У нее была сестра, лет шестнадцати, очень красивая. Старшая ухаживала за Федором Михайловичем и, кажется, с любовью шила ему и мыла белье, готовила пищу и была неотлучно при нем: я так привык к ней, что пищать не удивлялся, когда она с сестрой садилась тут же с нами летом пить чай в одной рубашке, подложенная только красным кушаком, на голую ногу и с платочком на шее...»¹

Недавний арестант возвращается к жизни. Он приобретает столь беспощадно отнятое у него право — читать и писать. Несмотря на свои воинские обязанности, он набрасывается на книги. Умоляет брата прислать ему европейских историков, экономистов, святых отцов, древних авторов, Коран, Канта и Гегеля, физику, физиологию, даже немецкий словарь. Поистине поразительна эта широта замыслов и разнообразие духовных интересов после всего пережитого!

Каторга не сломила художника. Она даже возро-

¹ А. Е. Врангель. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири (1854—1856), стр. 36—37. Спб., 1912.

дила с новой силой неудержимое стремление к литературной деятельности. Достоевский умоляет сообщить ему, кто такой Л. Т., напечатавший в «Современнике» повесть «Отрочество». Он читает Тургенева, Островского, Писемского, Тютчева, Майкова; он получает только что вышедшее собрание сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова.

Между тем с осени 1854 года положение Достоевского изменилось к лучшему. В ноябре в Семипалатинск прибыл на службу член прокурорского надзора — стряпчий казенных и уголовных дел А. Е. Врангель. Это был совсем молодой человек, едва достигший совершеннолетия, недавно лишь окончивший лицей и решивший по своей страсти к путешествиям и ружейной охоте принять службу в дальних азиатских владениях. За пять лет до того юный Врангель присутствовал на казни петрашевцев, скрутившись о Достоевском, которого уже знал как писателя.

На другой же день по приезде в Семипалатинск Врангель послал ему записку с просьбой зайти к нему вечером.

«Достоевский не знал, кто и почему его зовет, и, войдя ко мне, был крайнедержан. Он был в солдатской серой шинели, с красным стоячим воротником и красными же погонами, утром, с болезненно-бледным лицом, покрытым веснушками. Светло-русые волосы были коротко острижены, ростом он был выше среднего. Пристально оглядывая меня своими умными серо-синими глазами, казалось, он старался заглянуть мне в душу, — что, мол, я за человек. Он признался мне впоследствии, что был очень озабочен, когда посланный мой сказал ему, что его зовут «этот стряпчий уголовных дел». Но когда я извинился, что не сам первый пришел к нему, передал ему письма, посылки и поклоны и сердечно разговорился с ним, он сразу изменился, попросил и стал доверяя. Часто после он говорил мне, что, уходя в этот вечер к себе домой, он инстинктивно почувствовал, что во мне он найдет искреннего друга».

С этой встречи началась новая эра пребывания Достоевского в Сибири. Дружба с областным прокурором резко видоизменила к лучшему его бесправ-

ное положение. Бессрочный солдат линейных войск начинает запросто бывать в высших кругах семипалатинского общества, у батальонного командира Белихова, у судьи Пешехонова, даже у военного губернатора Спиридонова. Врангель познакомил своего нового друга и с горным инженером близких свинцово-серебряных заводов, повез его в город Змиев, сблизил со своими друзьями-офицерами, увозил с собой в казахские аулы.

На лето они поселились вместе на высоком берегу Иртыша на единственной загородной даче «Казаков сад» (она принадлежала богатому местному купцу-казаку). Друзья занимались здесь устройством цветников и огородов, купанием в реке, рыболовством, чтением газет. Достоевский работал над своими каторжными мемуарами и читал Врангелю свежеиспленные главы. Покуривали трубки, вспоминали о Петербурге.

«В заботах наших о цветниках принимали живое участие обе дочери хозяйки Достоевского». Они поливали георгины, гвоздики и левкои, впервые распустившиеся в песчаной местности, где, кроме подсолнечников, не знали никаких цветов.

Иногда совершали дальние экскурсии верхом. Объезжали окрестные зимовья и бескрайнюю степь с разбросанными по ней юртами киргизов.

Семипалатинская область богата чудесными ландшафтами: безбрежными степями с ковылем и полынью, водными пейзажами широкого бассейна Иртыша, сосновыми борами, глубокими озерами. Врангель описывает поразительный вид на зеркальный Кольванский водоем, разлившийся среди ущелий и утесов, — место, которое Гумбольдт, изъездивший весь свет, признал красивейшим в мире.

Но Достоевский был равнодушен к картинам природы: «они не трогали», не волновали его. Он весь был поглощен изучением человека».

Неизменный интерес писателя к истории обращает его и в ссылке к художественной археологии. Он составил в Семипалатинске целую коллекцию древних чудских вещей, колец, монет, серебряных

и медных, браслетов, серег, различных бус, изломанных копий и разных мелких вещиц из серебра, меди, железа и камня. Была у него и коллекция минералов.

Но превыше всего он ценит выдающихся людей. Семипалатинское общество состояло почти сплошь из провинциальных чиновников и военных. Однако среди приезжих встречались и люди высшей культуры, которые относились с глубоким уважением и сочувствием к ссыльному писателю. Это были его новые друзья, напомнившие о петербургских кружках 40-х годов.

Достоевский познакомился еще в Омске, а теперь подружился с офицером казахом Чоканом Валихановым, первым ученым своего народа, этнографом, фольклористом, историком. Валиханов любил арабские стихи. Предпримчивый и отважный путешественник, он рассказывал Достоевскому о своих скрытых экспедициях (в 1858 году). «Валиханов премилый и презамечательный человек, — писал Достоевский Врангелю, — я его очень люблю и очень им интересуюсь». А в письмах к своему другу Федор Михайлович как бы предсказывает его будущность: «Вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне». Призвание таких культурных представителей Востока, по мнению Достоевского, служить своей родине, всячески содействуя ее сближению с Россией. Он горячо советовал своему «дорогому Валихану» растолковать русским, «что такое степь».

Познакомившись еще в Петербурге у Петрашевского с П. П. Семеновым (впоследствии Тян-Шанским), Достоевский сблизился с знаменитым географом только в Средней Азии. «Семенов — превосходный человек», — пишет он Валиханову.

Как раз незадолго перед тем молодой географ объездил Европу, совещался с Гумбольдтом о предстоящей экспедиции во Внутреннюю Азию, восходил на Безувий и Альпы без проводника, лишь с компасом и атласом. Он посетил развалины Помпеи и Пестумта, Лувр и другие знаменитые галереи, пробудив-

шие в нем будущего искусствоведа, автора исследований по нидерландской живописи и старинной графике.

Все это оценил в своем даровитом собеседнике ссыльный писатель, побывавший у него в Барнауле зимой 1857 года и читавший ему первые этюды к «Запискам из мертвого дома». Отсюда Семенов проехал к неприступным предгорьям Небесного Хребта (Тянь-Шань), обессмертившего его имя¹.

12 марта 1855 года весь Семипалатинск был взбудоражен полученным известием о кончине Николая I, последовавшей в Петербурге 18 февраля.

Смерти императора предшествовали крупные политические события. С осени 1854 года союзники добились поворота в ходе кампании. Десант англо-французских войск в Евпатории, сражения на Альме, под Балаклавой и на Инкерманских высотах, первая бомбардировка Севастополя, в которой погиб адмирал Корнилов, концентрация главного огня против Малахова кургана — все это с октября по февраль резко видоизменило картину борьбы и предвещало катастрофу.

На суд истории ставилась вся система Николая I, которой готовился грозный приговор. Царь болезненно воспринимал беспощадный ход событий. По его словам, австрийский император своим предательством «повернул нож в его сердце». Известие об альминском поражении потрясло его, как громом, ожесточение Европы грозило распадом империи. Премьер Великобритании Пальмерстон угрожал расчленением России с отторжением от нее Крыма,

1. См. сборник «Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский» под редакцией А. А. Достоевского, Л., 1928. Ученым был отчасти и Врангель. По профессии юрист, он занимался археологией и вскоре принял участие в научных экспедициях по Средней Азии, Восточной Сибири и Китаю. Он готовился переводить с Достоевским Гогеля и «Пензлюэ Каруса, популярного в то время зоолога и врача, увлекавшегося натурфилософией.

Кавказа, Бессарабии, Прибалтике, Польши и Финляндии.

Привыкший считать себя диктатором Европы (или «европейским жандармом», по определению передовых кругов его времени), Николай I переживал беспримерное унижение своего достоинства и полный крах всего своего государственного дела. За тридцать лет правления Россией он не сумел ни подготовить свою страну к войне, ни обеспечить себе международного влияния. Надвигался обвинительный приговор целой эпохи.

В конце января царь простудился, а в начале февраля заболел воспалением легких. 17 февраля лейб-медик Мандт признал положение безнадежным. На другой день Николай I скончался.

Русское общество было уверено, что царь отравился. Историки считают эту версию недоказуемой, но логичной и вполне соответствующей характеру правителя и условиям сложившейся ситуации: когда раскрылась во всей полноте несостоятельность николаевской системы, жизнь ее организатора была изжита.

12 марта Достоевский присутствовал с Врангелем на панихиде в семипалатинском соборе. Всех занимал вопрос, не прекратится ли долгая и тяжелая война. Ссыльный писатель, как и все поднадзорные интеллигенты в Сибири, ждал перемены своей участии.

Врангель стремится помочь своему другу. Он защищает ближайших петербургских родственников о настроениях в правительственные сферах, умоляет узнать, не будет ли при коронации амнистии политическим.

Нельзя ли, пишет он сестре 15 мая 1855 года, «шепнуть слово Дубельту или князю Орлову о Достоевском; неужели же этот замечательный человек погибнет здесь в солдатах? Это было бы ужасно. Горько и больно за него...».

На каторге шла борьба за жизнь. Теперь нужно

было бороться за свое освобождение от бессрочной солдатчины. Это было новое труднейшее испытание, в котором Достоевский проявил такую же силу характера и волю к победе. Эта новая борьба была подготовлена и личной драмой писателя, которую он переживал с весны 1854 года.

ИСАЕВА

Достоевский вышел из своей «грустной категорги», по его словам, «со счастием и надеждой». Он прибыл в Семипалатинск с жаждой жизни. И в первый же год своего пребывания здесь он познал, наконец, большое, всепоглощающее чувство, пережитое с великими треволнениями, но доставившее ему незабываемые минуты высшей полноты бытия: «По крайней мере жил, хоть и страдал, да жил!»

По приезде в Семипалатинск Достоевский познакомился с одним скромным таможенным чиновником Александром Ивановичем Исаевым и женой его Марии Дмитриевной, рожденной Констан, по деду француженкой.

Жизнь ее сложилась несчастливо. Дочь начальника астраханского карантина, она вышла замуж за алкоголика, не способного регулярно работать, дружившего со всякими отбросами общества, обрекавшего жену и сына на острую нужду. Достоевский застал его уже «ужасно опустившимся».

«Когда я познакомился с ним, он уже несколько месяцев как был в отставке и все хлопотал о другом каком-нибудь месте. Жил он жалованьем, состояния не имел, и потому, лишась места, мало-помалу они впали в ужасную бедность... Он падал долгов. Жил он очень беспорядочно, да и натура-то его была беспорядочная. Страстная, упрямая, несколько загрубелая. Он был беспечен, как цыган, самолюбив, горд, но не умел власть собою».

Контрасты такой натуры заинтересовали писателя. «Он был, несмотря на множество грязи, чрезвычайно благороден», — писал Достоевский об Исаеве,

послужившем ему отчасти прообразом для Мармеладова.

Возникает первый личный роман Достоевского — чрезвычайно сложный и мучительный. Мария Дмитриевна болела туберкулезом, но, как многие чахоточные, была страстью привязана к жизни, к ее радостям и соблазнам. Семейная обстановка ее была поистине ужасающая. Муж в пьяном виде доходил до буйства, и ей приходилось непрерывно охранять ребенка от невменяемости отца. Всё «порядочное» общество отвернулось от них. Сохранилась лишь компания Исаева, которую Достоевский характеризует в одном из своих писем как грязную, отвратительную, кабацкую. Гордо и безропотно несла свою участь Мария Дмитриевна, по определению ее нового друга, «дама еще молодая, хорошенская, образованная, умная, грациозная, с великолепным сердцем».

Несколько позже, в 1856 году, когда он ближе узнал ее во всей сложности ее характера, он определял ее еще глубже и разностороннее. «Что-то каждую минуту вновь оригинальное, здравомыслящее, остроумное, но и парадоксальное, бесконечно добре, истинно благородное — — у нее сердце рыцарское, губит она себя».

Натура мятущаяся и порывистая, самобытная и окрыленная, возвышенная и смелая — — такой представляется Достоевскому его первая любовь. Вот почему он видит ее на краю гибели, и его сердце полно тревоги.

В то время ей было двадцать шесть лет. Миловидная блондинка среднего роста, очень худощавая, натура страстная и экзальтированная — — так описывает ее Брангель. «Уже тогда зловещий румянec играл на ее бледном лице, и несколько лет спустя чахотка унесла ее в могилу. Она была начитанна, довольно образованна, любознательна, добра и *небыкновенно жива и впечатлительна!*» Познакомившись с ней гораздо позже в Петербурге и только мельком видевший ее, Н. Н. Страхов отмечает, что Мария Дмитриевна произвела на него очень приятное впе-

чатление бледностью и нежными чертами своего лица, хотя и отмеченного уже смертельной болезнью.

На сохранившемся ее портрете перед нами молодая женщина с умным и волевым взглядом, высоким лбом и чувственными губами. Такое лицо в оживлении разговора, в споре, в смехе могло казаться огнеподжигательным и даже красивым.

Отношения Федора Михайловича с его будущей женой получили сразу какой-то неправильный и взаимно мучительный характер. Она приняла в нем горячее участие, свидетельствует Врангель, «приласкала его, не думаю, чтобы глубоко оценила его, скорее пожалела несчастного, забитого судьбою человека. Возможно, что даже привязалась к нему, влюблена в него ничуть не была. Она знала, что у него первная болезнь, что у него нужда в средствах крайняя, да и человек он «без будущности», говорила она. Федор же Михайлович чувство жалости и сострадания принял за взаимную любовь и влюбился в нее со всем пылом молодости».

Уже в первую пору их близости Достоевский испытывает приступы необычайной ревности к своей новой подруге. Отсюда же сомнения в любви к нему Марии Дмитриевны, что особенно сказалось в момент их разлуки.

После двухлетней отставки и почти нищеты Исаев получил, наконец, новую должность *заседателя по корчемной части* (то есть по управлению трактирами), что даже было «очень унизительно», замечает Достоевский. К тому же предстоял переезд в страшную глупину, за 700 верст, в дикий сибирский городишко Кузнецк Томской губернии. «Но что было делать! Почти не было куска хлеба».

Пришлось все распродать, уплатить неотложные долги, занять денег на дорогу, пуститься в дальний путь не в кибитке, а в телеге.

Отчаяние Достоевского, по рассказу Врангеля, было беспредельно; он ходил как помешанный; при мысли о разлуке с Марий Дмитриевной ему каза-

лось, что все для него в жизни пропало. «И ведь она согласна, не противоречит. Вот что возмутительно!» — горько твердил он.

Уехали в конце мая вечером. «Сцену разлуки я никогда не забуду — Достоевский рыдал павзрыл, как ребенок».

Друзья решили провожать Исаевых лесной дорогой. Стояла чудная майская ночь. Врангель напоил Исаева шампанским и усадил в свой экипаж, где тот и уснул непробудным сном. Достоевский пересел к Марии Дмитриевне. Долго мчались сосновым бором, пронизанным светом... Наконец остановились, распрошались. Дернули лошади, еле стала вида погвозка, замирал колокольчик — «а Достоевский все стоит как вкопанный, безмолвный, склонив голову, слезы катятся по щекам... Мы вернулись к себе на рассвете».

Возникает переписка, быть может еще более мучительная, чем личные отношения. Мария Дмитриевна и на расстоянии не перестает томить Достоевского своими жалобами на лишения, на свою болезнь, на печальное состояние мужа и безрадостную будущность. Но еще сильнее, конечно, волновали и мучили Достоевского жалобы его корреспондентки на невыносимое одиночество и потребность отвести с кем-нибудь душу. Когда же в письмах все чаще и все восторженнее начало мелькать имя нового знакомого в Кузнецке — «симпатичного молодого учителя», обладателя редких качеств и «высокой души», Достоевский впал в окончательное уныние, бродил, как тень, и даже забросил «Записки из мертвого дома», над которыми уже работал в ту пору с редким увлечением.

В августе 1855 года Достоевский получил от Марии Дмитриевны известие о смерти ее мужа. Она сообщала ему, что Исаев скончался в нестерпимых страданиях. Переезд оказался для него роковым. Как писал позже Достоевский, он умер от каменной болезни, «единственно по недостатку медицинских

пособий, невозможных в глухом крае, где служил он». Одовевшая женщина сообщала, что мальчик ее обезумел от слез и отчаяния и сама она измучена бессонницей и обостренными припадками своей болезни; она рассказывала далее, что похоронила мужа на чужие деньги, что у нее ничего не осталось, кроме долгов, что кто-то приспал ей три рубля. «Нужда руку толкала принять — и приняла... подаяние».

«И осталась она после него в уезде далеком и зверском, и осталась в такой нищете безнадежной, что я хотя ч много видел приключений различных, но даже и описать не в состоянии».

Так увековечил через несколько лет творец «Преступления и наказания» эту будничную трагедию своего сибирского прошлого.

Достоевский отдается всецело устройству Марии Дмитриевны. Он достает у Брангеля деньги, он прощает устроить в корпус восьмилетнего Паши, он с героическим самопожертвованием хлопочет и даже «на коленях готов просить» за своего соперника — кузнецкого учителя Вергунова (по свидетельству Брангеля, «личности совершенно бесцветной»).

Но все это бессильно, по-видимому, переродить дружескую жалость Марии Дмитриевны к Достоевскому в ответное чувство. Почти через год после смерти Исаева, летом 1856 года, Достоевский шлет Брангелю письма, полные отчаяния:

«Я как помешанный... теперь уж поздно!»

«Дела ужасно плохи, и я почти в отчаянии. Трудно перенести, сколько я выстрадал».

«Я трепещу, чтобы она не вышла замуж, — си-богу, хоть в воду, хоть вино пачать пить».

И несколько раньше, в письме от 23 марта:

«О, не дав, господи, никому этого страшного грозного чувства! Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить...»

Для этого личного романа Достоевского характерна атмосфера взаимного мучительства, которая так присуща его творческим фабулам.

Приведем в отрывках некоторые из его писем этого периода к А. Е. Брангелю — дневник его самого страстного и мучительного романа.

«13 апреля 1856. На масленице я был кое-где на блинах, на вечерах даже танцевал... Обо всем этом, о том, что я даже пускался танцевать, и о некоторых здешних дамах я написал Марье Дмитриевне. Она и вообрази, что я начинаю забывать ее и увлекаюсь другими. Потом, когда настало объяснение, писала мне, что она была замучена мыслью, что я, последний и верный друг ее, уже ее забываю. Пишет, что мучилась и терзлась, но что ни за что не выдала бы мне свою тоску, сомнения, «умерла бы, а не сказала ни слова». Я это понимаю: у нее гордо, благородное сердце. И потому пишет она: «Я исповедую охладела к вам в человеческому лицу, который еще недавно меня только одну любил». Я заметил эту холодность писем и был убит ею. Вдруг мне говорят, что она выходит замуж. Если бы вы знали, что со мной тогда сталося! Я истерзался в мучениях, перечитал ее последние письма, а по холодности их поневоле пришел в сомнение, а затем в отчаяние...»

В этот момент приходит запрос от Марии Дмитриевны: «Что сей отвечать, если человек с какими-нибудь достоинствами посоватается к ей?»

Достоевский в ужасе и готов на все. «По тень надежды меня остановила. Я ждал ее ответа, и эта надежда спасла меня. Теперь вот что было. В муках решности и грусти о потерянном для нее друге, одни, окруженнные гадами и дрянью, болыня и мнительная, далекая от своих и от всякой помощи, она решилась *выбредать навсегда*: в каких я к ней отношениях, забыл ли ее, тот ли я, что прежде, или нет?» Достоевский отвечает письмами «отчаянными, ужасными, которыми растерзал ее». Она сознается, что только испытывала его сердце. «Тем не менее это замужество имело основание. Кто-то в Томске нуждается в жене и, узнав, что в Кузнецке есть вдова, еще довольно молодая и, по отзывам, интересная, через кузнецких кумушек (гадин), которые ее обижают беспрестанно! предложил ей свою руку. Она расхохоталась [в лицо] кузнецкой свахе... Для меня все это тоска, ад... Право, я думаю иногда, что с ума сойду!»

В июне 1856 года Достоевский совершает служебную поездку в Барнаул и заезжает самовольно в Кузнецк («Я готов под суд идти, только бы с ней видеться»). Он проводит здесь два дня с Мафией Дмитриевной. Она рассказывает ему о своем чувстве к Вергунову. Свидание было грустным, но не безнадежным.

«Она плакала, плюсывала мои руки, но она любит другого, Я там провел два дня. В эти два дня она вспомнила прошлое, и ее сердце опять обратилось ко мне. Прав я или нет, не знаю, говоря так! Но она мне сказала: «Не плачь, не грусти, не все еще решено, ты и я и более никто!» Это слово ее положительно. Я провел не знаю какие два дня, это было блаженство и мучение нестерпимые! К концу второго дня я уехал с полной на деждой. Но вполне вероятная вещь, что отсутствующие все же виноваты. Так и случилось! Письмо за письмом, и опять я вижу, что она тоскует, плачет и опять любит его более меня! Я не скажу, бог с ней! Я не знаю еще, что будет со мной без нее. Я прошел, но и она тоже... Ей 29 лет; она, образованная, умница, виденная свет, знающая людей, страдавшая, мучающаяся, больная от последних лет ее жизни в Сибири, ищущая счастья, самовольная, сильная, готова выйти замуж теперь за юношу 24 лет, сибиряка, ничего не видавшего, ничего не знающего, чуть-чуть образованного, начинаяющего первую мысль своей жизни, тогда как она доживает, может быть, свою *по следнюю мысль*, — [человека] без значения, без доли на свете, учителя в уездной школе, имеющего в виду (очень скоро) 900 руб. ассигны, жалованья. Скажите, Александр Егорович, не тубит она себя другой раз после этого? Как сойтись в жизни таким разнохарактерностям, с разными взглядами на жизнь, с разными потребностями. И не [попрекнет] ли он ее впоследствии через несколько лет... не позовет ли [к] смерти! Что с ней будет в бедности, с кучей детей и притворенностью к Кузнецку? Кто знает, до чего может дойти распри, которую я неминуемо предвижу в будущности... Что, если он оскорбит ее подлинным упреком, что она рассчитывала на его молодость, что она хотела сладострастно застичь [его] вск, и си, си! чистому, прекрасному ангелу, это, может быть, придется выслушать!

...Разрывается мое сердце».

Мария Дмитриевна настаивала на объяснении Достоевского с Вергуновым. Колеблясь в своем выборе, она, видимо, рассчитывала, что они без нее смогут легче договориться и разрубить гордиев узел ее судьбы. Но этого не произошло. «С ним я сошлась», — сообщал Достоевский Врангелью, — он плакал у меня, но он только и умеет плакать! Рассуждать и уговаривать Достоевский не хотел, понимая всю бесполезность таких попыток решать рассудочно вопросы человеческих страстей и отношений.

Но из Семипалатинска он написал одно большое общее письмо ему и ей вместе. «Я представил все, что может произойти от неравного брака».

Достоевский писал о трагизме создавшегося положения.

Он просил юношу «подумать о том, чего он добивается, не сгубит ли он женщину для своего счастья». Вергунов счел себя обиженным и ответил резким письмом.

Она же горячо его защищала, но после первых вспышек обратилась снова к Достоевскому, «опять нежна, опять ласкова», опять любит обоих.

«Чем кончится, не знаю, но она погубит себя, и сердце мое замираст».

Достоевский решает пожертвовать собой и устроить ее счастье. Это означало осуществить в жизни благородный идеал самоотверженных влюбленных, как Жак, Сакс, Девушкин. Он обращается к влиятельному Врангелю с просьбой устроить служебную карьеру Вергунова для жизненного счастья Марии Дмитриевны. «Она не должна страдать». Ведь он получает только 400 рублей ассигнациями в год (это составляло всего около 10 рублей серебром в месяц). Где тут обеспечить семью, дать счастье такой женщине, как Мария Констан! Нужно поговорить с генерал-губернатором, отозваться о Вергунове как о молодом человеке, достойном, прекрасном, со способностями. Следует написать о нем и главному начальнику Алтайского округа. «Это все для нее, для нее одной», — заключает свою отчаянную мольбу Достоевский. — Хоть бы в бедности-то она не была, вот что!»

Это письмо к Врангелю от 14 июля 1856 года — выдающийся человеческий документ и драгоценный источник нравственной биографии Достоевского. Это показатель высоты, какой могла достичь в жизни его горячая и неудержимая в своем полете душа. Моральная красота его личности выступает здесь во всей своей чистоте.

Вскоре он проявит и подлинное мужество и высшую жизненную энергию, готовность сильного человека на борьбу за любимую женщину.

Все трудности создавшейся психологической ситуации восходили к бесправному положению Достоевского как все еще наказуемого государственного

преступника — «бессрочного солдата». Непременным условием к столь вожделенной женитьбе являлось производство в офицеры: «Ведь не за солдата же выйти сей!»

Еще в начале 1856 года Мария Дмитриевна поставила перед Достоевским вопрос — как быть, если сей сделает предложение человек пожилой, служащий и обеспеченный? Он немедленно же отвечает, что умрет, если лишится ее. «Или с ума сойду, или в Иртыш!» Но ему ясно: «Если б удались дела мои, то я был бы предпочтен всем и каждому!» Необходимо форсировать официальные события, брать с бою свое счастье! Он вырабатывает смелый и широкий план.

В юности он был знаком по Инженерному училищу с братьями Тотлебенами. Старший из них, Эдуард Иванович, стал севастопольским героем. Он сумел в разгар войны прикрыть город сплошной оборонительной линией, вынудившей союзников отказалось от прямой атаки. Иностранные специалисты признали его самым замечательным инженером XIX века. Идеи Тотлебена действительно открывали новую эру в фортификационном искусстве. Имя его повторялось всей страной рядом с именами Нахимова и Корнилова.

Достоевский решает написать исповедь-просьбу защитнику Севастополя и просит Врангеля (старинного приятеля Тотлебена) лично передать ее по назначению.

24 марта нижний чин вопреки правилам воинской дисциплины пишет неофициальное письмо генерал-адъютанту его величества одно из важнейших в эпистолярном наследии писателя.

Напомнив о своем давнишнем знакомстве с прославленным адресатом, Достоевский краткими чертами излагает свою «грустную историю»:

«Я был уличен в намерении (но не более) действовать против правительства; я был осужден законно и справедливо; долгий опыт, тяжелый и мучительный, протрезвил меня и во многом переменил мои мысли. Но тогда, тогда я был слеп, верил в теории и утопии». Каторга была ужасна. «Но клянусь вам, не было для меня мучения выше того, когда я понял свои заблуждения, понял в то же время, что я отрезан от об-

щества изгнаничеством и не могу уже быть полезным по морю моих сил, желания и способностей. Я знаю, что был осужден за мечты, за теории. Мысли и даже убеждения меняются, меняется и весь человек, и каково же теперь страдать за то, чего уже нет, что изменилось во мне в противную сторону...»

Достоевский выражает свою заветную просьбу:

«Не службу считаю я главною целью жизни моей. Когда-то я был обнаружен благосклонным приемом публики на литературном пути. Я желал бы иметь позволение печатать... Звание писателя я всегда считал благороднейшим, полезнейшим званием. Есть у меня убеждение, что только из этого пути я мог бы истинно быть полезным...»

Он указывает под конец и на свои интимные дела:

«Не скрою от вас, что... одно обстоятельство, от которого, может быть, зависит счастье всей моей жизни (обстоятельство чисто личное) побудило меня... напомнить вам о себе».

Прибыв в феврале 1856 года в Петербург, Врангель немедленно же передает письмо Достоевского Тотлебену и одновременно просит поддержки и у его младшего брата Адольфа (однокурсника Достоевского по Инженерному училищу). Оба выражают горячее участие ссыльному товарищу и обещают сделать для него все, что в их силах¹.

Вскоре в деле Достоевского появляется высочайшая резолюция.

«Его величество приказал изволил написать представление в форме записки к г. военному министру, ходатайство о производстве Федора Достоевского в прaporщики в один из полков 2-й армии. Если же это признано будет неудобным, то с чином 14-го класса уволить его для определения к статским делам, в обоих случаях дозволить ему литературные занятия с правом печатания на узаконенных основаниях».

Это было бы полным прощением, если бы сам царь не сократил бы тут же свою «милость» предписанием учредить за Достоевским секретное наблюдение вперед до совершенного удостоверения в его bla-

¹ В 1841 году Адольф Тотлебен жил на одной квартире с Федором Михайловичем на Караванной улице близ Манежа, где его часто посещал старший брат Эдуард Иванович, впоследствии защитник Севастополя и герой Плевны.

гражданской и затем уже ходатайствовать о дозволении сму печатать свои литературные труды.

Таким образом разрешение печататься откладывается на неопределенное время, и главная цель письма к Тотлебену остается недостигнутой: Достоевский не добился признания за ним авторских прав, он только офицер, не имеющий дозволения выступать в печати. Его положение в журнальном мире крайне неопределенное. Ему еще несколько лет придется отстаивать свои права на литературный труд.

Тем не менее 30 октября 1856 года генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд получает из главного штаба «высочайший приказ» о производстве Федора Достоевского в прапорщики.

Это огромное событие, вызывающее полный переворот в жизни унтер-офицера линейных войск, порадовало его лишь возможностью поскорее увидеть Марию Дмитриевну.

«Я ни о чем более не думаю. Только бы видеть ее, только бы слышать! — писал Достоевский Врангелю 9 ноября. — Я несчастный сумасшедший! Любовь в таком виде есть болезнь. Я это чувствую».

В тот же день он пишет брату:

«Ту, которую я любил, я обожаю до сих пор... Это ангел божий, который встретился мне на пути, и связало нас стра дание».

Эту связь он считал неразрывной.

В последних числах ноября Достоевский в офицерском мундире приезжает в Кузнецк. Он «честно и откровенно» объяснил ей свои обстоятельства — отсутствие материальной обеспеченности, неопределенность своих авторских прав, но и большие надежды на возврат в литературу. Его твердая уверенность в конечной победе убедила, наконец, Исаеву, что перед нею человек с будущим.

Но оставалось одно препятствие — ее любовь

к Вергунову, не угасившая все же и ее чувства к Достоевскому.

За десять лет перед тем автор «Хозяйки» уже изобразил заинтригованное его своим драматизмом раздвоение женского сердца между двумя соперниками: разбойник Мурин или праведник Ордынов?

Теперь сама жизнь раскрывала ему такую жгучую альтернативу женской души. Мария Дмитриевна металась и томилась в поисках спасения из этого гибельного водоворота столкнувшихся влечений: писатель Достоевский или полунищий учитель из глухого угла, но молодой и красивый.

Глубокий знаток человеческой психики верит, что подлинное чувство этой умной и сильной женщины не может принадлежать ограниченному и бесцветному существу, неспособному подняться до ее духовного уровня.

«Она меня любит — это я знаю наверно. Она скоро разуверится в своем новой привязанности. Еще летом по письмам ее я знал это. Мне было все открыто. Она никогда не имела тайн от меня. О, если бы вы знали, что такое эта женщина!»

Не кощунством ли было бы замкнуть этот богатый мир порывов и дум в кругозор глухого уездного училища?

Достоевский снова решает объясниться с Вергуновым. Но на этот раз сама жизнь на стороне писателя. Мария Дмитриевна, видимо, принимает решение в его пользу. Учитель уступает. Достоевский стремится отблагодарить его за понесенную жертву. Он «на коленях» умоляет Врангеля устроить судьбу незадачливого Вергунова: «теперь он мне дороже брата родного». Побragающие соперники — это одна из главных тем будущего «Идиота».

В начале декабря Достоевский уезжает из Кузнецка с решением сыграть свадьбу до великого поста.

Но нужно еще было ковать свое счастье в мире, где деньги решают все. Нанять квартиру, меблировать ее, оплатить проезды на тройках по маршруту Семипалатинск — Кузнецк и обратно (1500 верст в два конца), закончить свою офицерскую экипиров-

ку, одеть свою бедную невесту, заплатить за венчание и свадьбу. А ведь сам-то жених еще вышел из унтер-офицерского панка.

Достоевский проявляет изумительную энергию. Он пишет родственникам в Петербург и Москву, выясняет возможности местных займов, ведет переговоры, разъезжает, неутомимо собирает средства на устройство своего дома и своего будущего. Все это деловито, решительно, умно и безотказно. Масштабы необыкновенного человека ощущаются и в этой кампании за жизнь, за труд, за семью, за счастье. И здесь Достоевский остается строителем и творцом.

Родственники, конечно, настроены против этой женитьбы. Московская тетушка Александра Федоровна Куманина, в свое время принимавшая участие в воспитании мальчика Феди, выразила мнение семьи: «Сам только что вышел из несчастья - беспри мерного, необеспеченный и тянет в свое горе другое существо, да и себя связывает вдвое, втро».

Но Куманины присыпают 600 рублей серебром, брат Михаил и старшие сестры по 200 рублей серебром. Крупный служащий Локтевского металлургического завода капитан Ковригин ссужает взаймы на дальний срок 600 рублей серебром, поддерживают и некоторые приятели (генерал Хоментовский и другие). Кампания блестяще выиграна.

СВАДЬБА В КУЗНЕЦКЕ

27 января 1857 года Достоевский выезжает в Кузнецк для устройства своей свадьбы.

Это был убогий поселок звероловов и золотоискателей при древнем остроге. О таких углах Достоевский писал в «Записках из мертвого дома»:

«В отдаленных краях Сибири, среди степей, гор или непрходимых лесов пощаются изредка маленькие города с одной, много с двумя тысячами жителей, деревянные, незврачные, с двумя церковками - одной в городе, другой на кладбище, похожие более на подмосковные села, чем на города».

Здесь Достоевский пережил свое первое счастье, здесь произошло одно из важнейших событий его личной биографии. 15 февраля 1857 года он повел к алтарю местной одигитриевской церкви горячо любимую женщину.

Свадьба была очень скромная и малолюдная: у Достоевского в Кузнецке почти не было знакомых, Мария Дмитриевна, как бедная вдова, жила очень замкнуто. Все же посажеными были местный исправник с исправницей. Венчал «молодых» отец Евгений Тюменцев. Шафера были, по свидетельству Достоевского, «тоже порядочные довольно люди, простые и добрые», да еще явились два знакомых семейства, вероятно из соседей.

Были еще официальные участники обряда: четыре поручителя. Среди них и учитель Николай Вергунов.

Это, несомненно, сообщало большую напряженность бракосочетанию и раскрывало в празднике венчания сложную внутреннюю драму соперничества, ревности, вражды и страсти.

Всем присутствующим были известны эти отношения, но им никто не придавал большого значения. И только великому писателю, изживвшему свою драму любви в кругу захолустного мещанства, были видны глубокие подводные корни целой драмы чувств, уже отлагавшейся в его творческом сознании.

Мария Дмитриевна стояла под венцом, быть может близкая всем своим существом не к жениху, а к своему шаферу, стоявшему тут же рядом. Кто угадает внутреннюю драму этого отверженца, его обиду, ревность, отчаяние, гнев — быть может, и жажду мести? К какому жестокому и грозному финалу мог бы привести такой накал страстей? К бегству невесты из-под венца, к убийству мучительницы ее любовником, к сумасшествию покинутого жениха? Ведь больше всего Достоевский опасался гибели Марии Дмитриевны от произвола пылкого и бездушного Вергунова с его «дурным» и упрямым характером. «Не по зовет ли он ее к смерти?» — спрашивал Достоевский 14 июля 1856 года в письме к Брангелю. Через две-

надцать лет он увековечит эту драму в своем гениальном романе о грешнице, полюбившей праведника и убитой сладострастником. Кузнецкая свадьба 1857 года развернется здесь в потрясающую картину беспримерной брачной ночи князя Мышкина.

«Настасья Филипповна вышла действительно бледная, как платок; по большие черные глаза ее сверкали на толще, как раскаленные угли; этого-то взгляда толпа и не вынесла; негодование обратилось в восторженные крики. Уже отворились дверцы кареты, уже Келлер подал невесте руку, как вдруг она вскрикнула и бросилась с крыльца прямо в народ. Все провожавшие ее опешели от изумления, толпа раздвинулась перед нею, и в пяти, в шести шагах от крыльца показалась наружу Рогожин. Его-то взгляд и поймала в толпе Настасья Филипповна. Она добежала до него как безумная и схватила его за обе руки.

— Спаси меня! Увези меня! Куда хочешь, сейчас!

Рогожин подхватил ее почти на руки и чуть не поднес к карете».

Через несколько часов на исходе петербургской белой ночи он призовет ее к смерти. Соперники в последний раз встречаются у ее тела с чувством глубокого взаимного сострадания перед погружением их обоих в ночь безумия.

Ради этого эпилога Достоевский, по его словам, написал весь роман. Книга вышла из душевных потрясений писателя в эпоху его семипалатинской любви, которую сам он считал *сильнее смерти*. Вот почему финал «Идиота» относится к величайшим страницам мировой поэзии¹.

В личном разговоре Анна Григорьевна Достоевская сообщила мне несколько дополнительных сведений о первом браке Достоевского: «Федор Михайлович сильно любил свою первую жену. В жизни это было первое настоящее чувство. Молодость его ушла целиком на литературную работу. Под впечатлением первого громкого успеха он весь был захвачен своим писательским трудом и не имел времени для настоящего романа. Увлечение Панасовой было слишком мимолетным и в счет не идет. Но с Марийей Дмитриевной дело обстояло иначе. Это было настоящее сильное чувство со всеми его радостями и муками. В последние годы обострившаяся болезнь покойной сообщила особенную мучительность их отношениям. От врачей, лечащих Марию Дмитриевну, я узнала, что к концу жизни она была и психически не вполне здорова».

Через несколько дней после свадьбы Достоевские выехали из Кузнецка в Семипалатинск. Путь шел хвойными лесами, запорошенными снегом, на юго-запад, через Алтай к степям Киргизии. По пути путешественники остановились в Барнауле у Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского, которого Достоевский очень ценил и уважал.

«Тут меня постигло несчастье: совсем неожиданно случился со мной припадок эпилепсии, перепугавший до смерти жену, а меня наполнивший грустью и унынием».

Это было действительно страшное зрелище.

Барнаульский врач тотчас же определил «настоящую падучую» и предсказал, что в один из таких припадков больной задохнется от горловой спазмы и умрет! Достоевский жалел, что при такой серьезной болезни он женился.

Так, видимо, считала и Мария Дмитриевна: новый муж ее неизлечимо поражен тяжелой мозговой болезнью, препятствующей военной службе, а может быть, и всякой работе.

В конце февраля Достоевские после грустного свадебного путешествия прибыли в Семипалатинск. Они устраивают свой дом, но уже с ощущением бывальности, с предчувствием близящегося отъезда навсегда из Сибири.

Общество их довольно скромное и смешанное: это ротный командир 7-го Сибирского батальона Гейбович, полковник Гульткевич, поручик Снакарев, приказчик местного купца Давыдов, помощник почтмейстера Ситников, майорша Акимова, ассессор Попов, госпожа Шмейстер... Кажется, мы в городке «Ревизора».

Военная служба уже не препятствует литературным занятиям. Прапорщик Достоевский командует своим взводом, но уже занят перепиской с редакциями «Современника», «Отечественных записок», «Русского вестника», «Русского слова». Он работает над двумя повестями: «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково». В августе 1857 года в «Отечественных

записках» появляется его рассказ «Маленький герой» под псевдонимом М-ий (это переименованная «Детская сказка», написанная в 1849 году в Алексеевском равелине).

Характерно сообщение Плещеева: «Некрасов и Панаев с большим участием расспрашивали об вас и говорили, что если вы желаете, они тотчас же пошлют вам денег и не станут вас тревожить, пока вы не будете иметь возможность написать для них что-либо...» Это уже возврат в литературу, хотя все еще без права пересечь границы Сибири.

Работа отвлекает Достоевского от непредвиденных горестей его семейной жизни. Желанного и частого счастья он в своем браке не нашел.

«Мария Дмитриевна вечно хворала, капризничала и ревновала», — определяет Врангель этот несчастный брак.

Уже в Семипалатинске начались драмы ревности, впоследствии совершившие семейное согласие.

Любовь Достоевского, которая еще в декабре 1855 года пылала костром в его письмах, явно перерождается уже в 1857 году и перестает ощущаться в его существовании. Характерно и многозначительно его заявление в письме от 13 декабря 1858 года: «Жизнь моя тяжела и горька». Но это надорванное и томительное чувство продолжает чем-то согревать и радовать сквозь грусть и боль глубоких разочарований.

СИБИРСКИЕ ТЕТРАДИ

После насилиственного бесплодия категори потребность творить сказалась с особенной силой. В семипалатинские годы Достоевским писались «Записки из мертвого дома» (законченные в 1862 году), создавались комические повести, задумывались, а частично и осуществлялись патриотические стихотворения, статьи о России, об искусстве, о современных поэтах и, наконец, «большой роман», «величиною в двадцати

томах» романы, требовавший многих лет работы (и предполагавший широкие эпические просторы).

Крупный интерес в ряду этих планов представляют «Письма об искусстве», о которых Достоевский сообщает А. Е. Врангелью 13 апреля 1856 года.

Замысел этого эстетического трактата был вызван большим научно-общественным событием. 3 мая 1855 года вышло отдельной книгой исследование Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», которое в качестве магистерской диссертации защищалось автором в Петербургском университете 15 мая, вызвав чрезвычайный общественный резонанс.

По словам Н. В. Шелгунова, присутствовавшего на диспуте Чернышевского, «это была целая проповедь гуманизма, целое откровение любви к человечеству, на служение которому призывалось искусство». В аудитории Петербургского университета было впервые провозглашено революционно-демократическое направление 60-х годов.

Почти одновременно с такой публичной декларацией в июньской книжке «Современника» автор поместил «авторрецензию» на свою диссертацию, в которой сформулировал основные положения материалистической эстетики. Это была разрушительная критика гегелевской философии искусства, которую Достоевский принял еще в 40-е годы и которой оставался верен до конца. Источниками своего труда Чернышевский признавал статьи Белинского и Герцена 40-х годов.

Официальные оппоненты, возражая диссиденту, отстаивали «незыблемые идеальные цели искусства». В этом духе вскоре стали возражать Чернышевскому Тургенев, Лев Толстой, Григорович и другие. Против новой, революционной эстетики выступили и критики либерального лагеря: С. С. Дудышкин в «Отечественных записках», рецензент «Библиотеки для чтения» и Анненков в «Русском вестнике». Все это были резкие выпады против материалистической

философии творчества в защиту чистого искусства.

Достоевский решает определить свою позицию в разразившейся генеральной битве современных идей о красоте. Он готовит свою реплику на трактат Чернышевского. Это, в сущности, продолжение его эстетической дискуссии с Белинским.

«Статья моя — плод десятилетних обдумываний, — сообщает он Врангелю. — Всю ее до последнего слова я обдумал еще в Омске».

Статья об искусстве задумывалась Достоевским как полемическая («горячая»), противоречащая многим мнениям — то есть господствующей демократической программе русской печати — и даже выдержанная в официальном тоне (автор намерен посвятить ее президенту Петербургской академии художеств). Она соответствовала консервативным воззрениям Апдллона Майкова и служила опровержением атеистической позиции Белинского — Достоевский отчетливо формулирует свою идею: «Это, собственно, о назначении христианства в искусстве».

Через несколько лет в своем журнале «Время» (1862, IX) Достоевский высказался на тему об «основной мысли всего искусства девятнадцатого столетия» в связи с первой публикацией в России «Собора Парижской богоматери».

Формула этой мысли, по его разъяснению, — «восстановление погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков. Это мысль — оправдание униженных и всеми отринутых парий общества». Достоевский ждет хоть к концу столетия великого произведения искусства, которое выразит эту идею так же полно и вековечно, как «Божественная комедия» Данте выразила заветные идеалы и верования средневековья».

Так готовил Достоевский в Семипалатинске свою эстетику, задуманную в Петербурге в 1846 году в са-

мый разгар его споров с Белинским. Ему не удалось ее осуществить и в 1856 году. Но вскоре, с начала 60-х годов, он будет в полемике с Чернышевским¹, Добролюбовым, Салтыковым отстаивать свои гегельянские воззрения на сущность прекрасного², и пытаясь восполнить свои теории о чистом искусстве боевыми страницами идейных романов о современной России.

Он не мог их писать в Сибири. Заветные замыслы Достоевского отличались и тогда той глубиной и трагизмом, которые не соответствовали требованиям официальных кругов к опальному сочинителю — доказать свою лояльность отказом от критики современной действительности и умением показать русскую жизнь в светлых и радостных тонах.

Достоевскому приходится «отложить в сторону» свои любимые идеи и взяться за разработку подходящих для печати и цензуры, безобидных и даже забавных сюжетов. В конце 50-х годов он создает две повести: «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково».

Достоевский не любил этих вынужденно беспечных семипалатинских произведений³.

В 1861 году в журнал «Время» Достоевский писал: «со второго же номера мы обратимся к одному из самых современных вопросов нашей литературы, вопросу о значении искусства и о настоящем отношении его к действительной жизни». Подчеркнутые самим Достоевским слова иронически воспроизводят заглавие диссертации Чернышевского с пародийным заострением: «о настоящем отношении». Это ужопародийски насыщенная войны Чернышевскому эстетику основополагающей темой

тическую философию красоты: Канта, Шиллера, Гегеля. См. выше «Диалог об искусстве» (стр. 83—87).

² Примечательно письмо Достоевского, написанное на эту тему студенту Федорову в 1873 году: «15 лет я ис перечитывал мою повесть «Дядюшкин сон». Теперь же, перечитав, нахожу ее плохо. Я написал ее тогда в Сибири, и первый раз после категории, единствено с целью опять начать литературное поприще и ужасно опасаясь цензуры (как к бывшему ссыльному). А потому невольно написал вещичку голубиного искушения и замечательной невинности».

повести представляют интерес как создание типов, которые получат развитие в позднейшем творчестве Достоевского.

Они интересны и как попытки романиста-трагика писать в комедийном жанре. «Я шутя начал комедию», — сообщал Достоевский Майкову 18 сентября 1856 года, но вскоре потянуло к обычной эпической форме: «Короче, я пишу комический роман... Сценический комизм оказался присущим дарованию романиста. Обе повести возродились уже в XX веке на сцене и дали богатейший материал для выдающихся русских актеров.

«Дядюшкин сон» чрезвычайно интересен по своему построению. Здесь Достоевский впервые применяет композиционный закон, который ляжет в основу архитектоники всех его больших романов.

Это, очевидно, школа Гоголя. История Москадевой напоминает судьбу городничего. В момент объявления блестящего замужества своей дочери она переживает крушение всех своих тщеславных планов на глазах у целого сбираща своих врагов.

Такое возмездие в момент наступающего торжества или сценическая ситуация «одураченного простофили» является, по Гоголю, одним из важнейших законов комедии. По этому типу и построено собрание дам в «Дядюшкином сне»: целое общество злорадно присутствует при стремительном падении своего ненавистного despota. Этот композиционный закон можно назвать «развязкой «Ревизора».

Так впервые разработан Достоевским характерный для его зрелого творчества прием многолюдных и бурных сцен, как бы сотрясающих все построение романа, — сбираща, споры, скандалы, истерика, пощечины, припадки.

По такому же закону строится и «Село Степанчиково». Но здесь Достоевский во многом уже ориентируется на «Мертвые души». Изобразитель пасмурного Петербурга становится жанристом патриархальной усадьбы.

Огромный старинный сад, необъятные поля с до-ревающим хлебом возвещают довольство и сытость всех обитателей села Степанчикова. Ничто не напоминает читателю о страшных событиях недавних неурожайных годин, когда помешки, обязанные по закону продовольствовать своих крестьян, кормили их желудями, лебедой и глиной деревни бродили по большим дорогам, пробавляясь нищенством. Многократные голодные бунты николаевской эпохи пронеслись по России, не затронув села Степанчикова. Не здесь проезжие флигель-адъютанты изумлялись виду хлеба, «хожего на торф, и не сюда направлялись кавалерийские эскадроны для усмирения голодных толп. Реальные географические районы, где вооруженной силой подавлялись отчаянные восстания нищих, не имеют ничего общего с той идеальной губернией, где раскинулось поместье полковника Ростанева.

Этот островок блаженных среди темной стихии николаевской Руси вырабатывает особый тип «душе-владельца», весьма мало напоминающий подлинные фигуры эпохи.

Если бы Достоевский имел возможность выбирать свои темы и разрабатывать их «полным голосом», какие могучие импульсы для своего глубокого и мучительного дарования мог бы он найти во всех фактах агонизирующего крепостничества!

Но в конце 50-х годов он чувствовал себя связанным и скованным.

Вот почему историческим рабовладельцам николаевской эпохи Достоевский противопоставляет своего «идеального помешка».

Это излюбленный у него образ наивного и кроткого «прекрасного человека», на этот раз воплощенный в лице среднепоместного российского землевладельца — полковника Ростанева. Совершенная власть всегда представлялась Достоевскому некоторой отцовской опекой, а проблема управления государством строилась им по аналогии с семейными отношениями.

Согласно замыслу автора владелец села Степанчикова Ростанев считает своих «мужиков» настоящими малыми детьми, неразумными и забавными, которых и уму поучить надлежит, и посмеяться над коими не грех, и кого побаловать иногда позволительно. Крестьяне такого барина обожают.

В противовес этому представителю господствующей социальной категории Достоевский изображает и противоположный общественный тип, особенно ненавистный ему — мелкого мещанина.

Фома Опискин отвратителен; Достоевский не щадит красок и слов для показа его безобразия. Это моральный и физический выродок. Грязное невежество в нем сочетается с презренным низкопоклонством, злобствующая зависть — с жестоким тиранством. В отличие от породистой внешности красавца и богатыря — полковника — Фома уродлив и «плохав»: «самая нахальная самоуверенность изображалась в его лице и во всей его педантской фигурке».

Достоевский чрезвычайно точно определяет социальную природу своего героя. В повести отчетливо и неоднократно отмечается, что сам Фома к благородному сословию не принадлежит и незаконно затесался в привилегированный круг.

Такая четкая сословная характеристика персонажа помогает Достоевскому с чрезвычайной осторожностью разрешить неизбежный классовый вопрос своей сельской картины. Конфликты с крестьянами возникают не от властной руки владельца, а исключительно в результате непонятного деспотизма какого-то проходимца-нахлебника. Деревня приходит в движение только потому, что благодушный барин дает обойти себя какому-то злобствующему мещанину. Создается неожиданная ситуация, в результате которой крестьяне, благоденствующие под кроткой властью степанчиковского помещика, начинают страдать от его развязного приживальщика.

Впрочем, и страдания их, как и все в Степанчикове, относятся скорее к области юмора, чем траге-

дии. Сложившейся исторической обстановке крепостного хозяйства со всеми ее истязаниями и смертобойствами Достоевский противопоставляет только «моральные» недоразумения, вызванные совершенно случайными причинами: здесь дворовых и крестьян не замучивают, а только «заучивают». Фома Опискин насильственно обучает их французскому языку или же чинит вопросы об их снах, о «камаринском мужике» и прочее. При фактическом наличии в русских усадьбах кандалов, цепей и рогаток, при установившихся здесь пытках, негласных казнях и «праве первой ночи» тетрадка с французскими вocabулами, которые должен затвердить старый Гаврила, не смущает и не ужасает читателя. Напротив того: рассказчик, очевидно, рассчитывает здесь на дружный смех своей аудитории. Ведь по законам крепостной России крестьянин не имел права на образование. И попытки Фомы Опискина обучать мужиков астрономии, иностранным языкам и даже дать им представление об электричестве и разделении труда должны были вызвать по неожиданности контраста резко комический эффект. Нам не трудно заметить, что ненавистный Достоевскому мещанин-литератор предвосхищает далекое будущее и вопреки воле автора неожиданно оказывается в этом вопросе несравненно выше его намерений.

Среди прототипов Фомы принято называть бессмертного мольеровского ханжу и лицемера. Но сравнительно с Тартюфом новизна образа — свойство, столь ценимое Достоевским, — сказалось в придании шуту и приживальщику нескольких смягчающих черт пережитого страдания и незаслуженных унижений. Это не просто хищник или стяжатель, прикрывающий неслыханным лицемерием свои преступные замыслы, это один из «той огромной фаланги огорченных, из которой выходят потом все юродивые, все скитальцы и странники». Он не просто тиранит окружающих — он мстит обществу за полученные оскорблении. Он не только стремится к прямой выгоде, он еще поэт, способный пожертвовать утилитарными соображениями для удовлетворения своего самодю-

бия. Все это значительно расширяет и обогащает образ.

Литературная профессия Фомы также уточняет его характер сравнительно с бывшим уголовным преступником у Мольера. Писатель низшего сорта, автор лубочной литературы для огень и книгонош, при этом неудачник в своей авторской деятельности, Фома показывает всей своей судьбою, как «змея литературного самолюбия жалит глубоко и неизлечимо». Участие в печати развило в нем «уродливую хвастливость», жажду похвал и отличий, поклонений и удивлений, неутолимую потребность «как-нибудь первенствовать, прорицать, поковеркаться и похвастаться». Тонко подмечены Достоевским характерные черты низов литературной «богемы», которую он в свое время наблюдал, и эти отличительные черточки мелких шелкунцов с необычными претензиями умело вправлены в замечательный художественный вариант к знаменитому образу мольеровского святоши.

Все эти особенности значительно углубляют образ российского Тартюфа сравнительно с его прототипом и сообщают ему столь свойственный автору «Записок из подполья» колорит «униженности» и «мучительства».

К сожалению, Достоевский не показывает в своей повести «метаморфозы Фомы из шута в великого человека», так что весь период оскорблений и унижений, пережитых Опискиным, скрыт от читателя и герой показан уже в эпоху своего владычества в остро сатирическом аспекте. Выдерживая стиль и тон всего произведения, он служит задачам «комического романа» всеми своими жестами и репликами. Эта юмористическая установка персонажа дает возможность автору очертировать резкими штрихами своеобразный тип сословного межеумка — дворянина на безлюдье, уездного господина Журдена, российского «мещанина во дворянстве».

Новизна в трактовке героя обеспечила ему длительную жизнь. Фома Опискин выжил в борьбе за существование литературных образов, и его имя ста-

ло нарицательным для всякого наглого приживальщика любой среды и эпохи.

Следует думать, что ряд неудач, постигших писателя в его работе над «Селом Степанчиковым», объясняется его отказом от актуальной проблемы и допущенной им ошибкой формы: нельзя было в конце 50-х годов наболевшую и животрепещущую тему русской деревни трактовать в плане комедии или комического романа; так же неправильно было веселый сюжет и забавные похождения развертывать на фоне помешичьего быта в момент последней отчаянной попытки крепостников отстоять свои зашатавшиеся права на личность и труд крестьян.

Несмотря на исключительную готовность журналов всемерно поддержать возвращающегося в литературу ссыльного писателя, две редакции возвращают ему рукопись, и только третья, менее влиятельная и требовательная, принимает повесть с рядом оговорок, давая понять автору, что юмор не стоило.

Такой неудачи Достоевский еще не знал, и сей никогда не пришлося повториться впоследствии. Это был урок, всемерно учтенный писателем: в дальнейшем он уже не только не станет изменять свое художественное лицо, но будет стремиться проявить его во всей резкости и своеобразии его черт.

К концу 50-х годов политическая кара петрашевцев завершается. В марте 1859 года Достоевскому разрешено выйти в отставку с правом жить во всей России, кроме столиц, и печататься на общих основаниях.

Местом своего жительства писатель выбирает Тверь ввиду ее близости к Москве и Петербургу. 2 июля 1859 года он, наконец, оставил Семипалатинск. Обратный маршрут лежал на Омск, Тюмень, Екатеринбург.

«В один прекрасный вечер, часов в пять пополудни, скинувшись в отрогах Урала, среди лесу, мы набрели на границу

Европы и Азии... Мы вышли из тарантаса, и я перекрестился, что привел, наконец, господь увидеть обетованную землю...»

Целое десятилетие страданий оставалось позади. Наступало возрождение человека, гражданина, художника. Путешественник вез с собой тетради безвестных записей, которые вскоре принесли ему мировую славу. Это были первые этюды и наброски к «Запискам из мертвого дома».